

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія  
библіотени городскихъ училищъ.

Годъ изданія седьмой.

ДЕКАБРЬ.

№ 4.

1913.



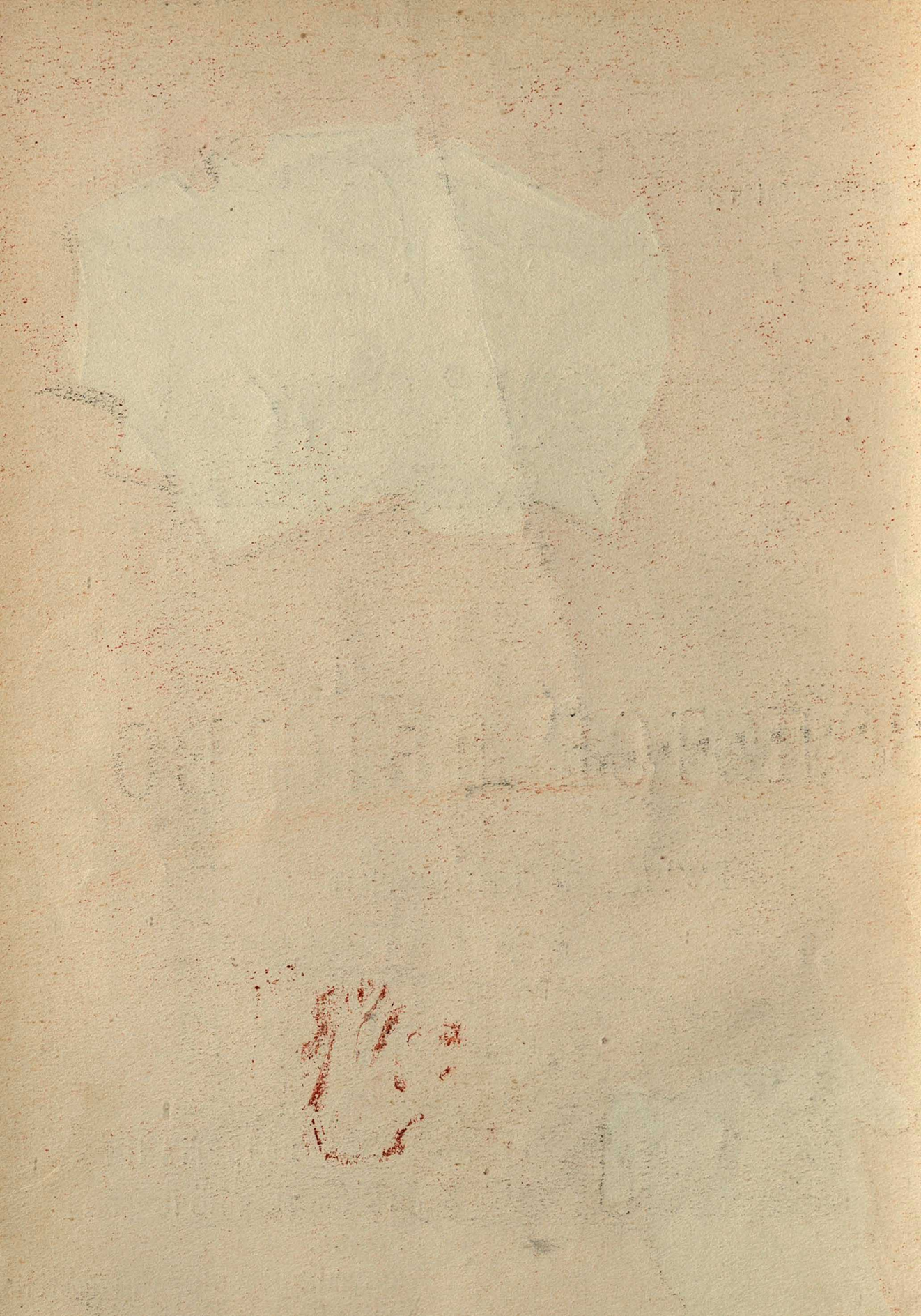
# ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



## СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ СВЯТУЮ НОЧЬ (стих.).  
НИЧЬЯ.  
КЪ ТИХОЙ ПРИСТАНИ (повѣсть).  
ЕЛКА (стих.).  
ВЪ НѢКОТОРОМЪ ЦАРСТВѢ.  
ГОЛОВОЛОМКА.  
РЕБУСЪ и проч.



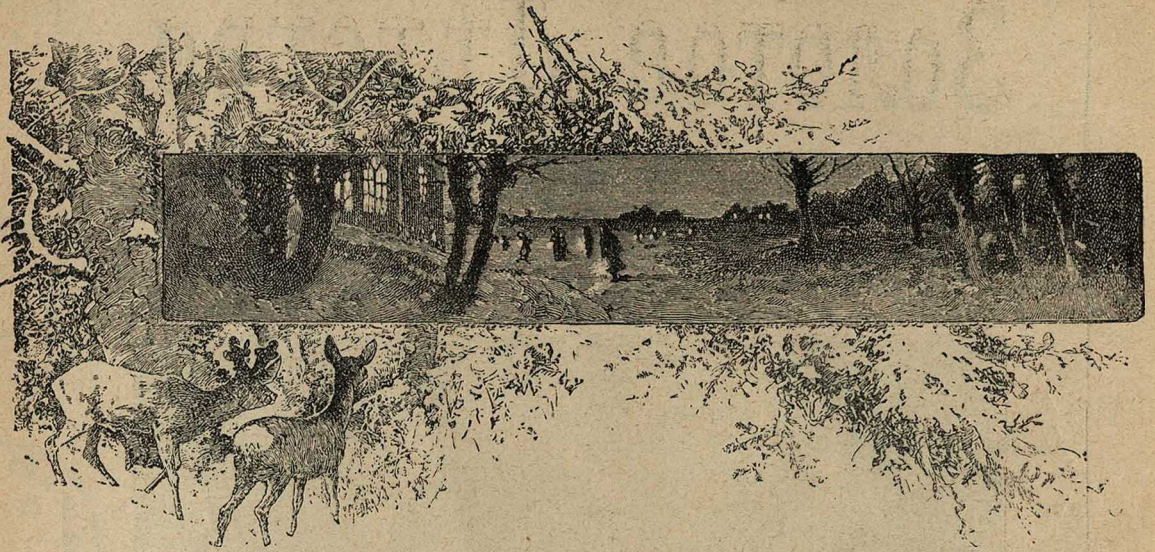
# Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



Игрунья.





## ВЪ СВЯТУЮ НОЧЬ.

Въ святую ночь, въ далекой Палестинѣ,  
 Когда-то въ небесахъ явилась вдругъ звѣзда  
 И освѣтила горы и долины  
 И въ нихъ дремавшія, покорныя стада.  
 И сладкое съ небесъ послышалось вдругъ пѣнье:  
 То сонмы ангеловъ слетѣлись безъ конца,  
 И пѣснь ихъ привела въ восторгъ и умиленье  
 И вѣрою зажгла суровыя сердца.  
 Оставивши овецъ однихъ ходить по степи,  
 Забывши обо всемъ, боясь открыть уста,  
 Вернулись пастухи домой—и вдругъ въ вертепѣ  
 Увидѣли Марію и Христа.  
 Потомъ издалека, въ простой, глубокой вѣрѣ,  
 Чрезъ старыя и новыя мѣста,  
 Волхвы на верблюдахъ приѣхали къ пещерѣ  
 И увидали въ ней рожденного Христа.  
 И освѣщая имъ пустынную дорогу,  
 Звѣзда вела ихъ прямо въ Вифлеемъ,  
 Они пришли туда и поклонились Богу  
 И о рожденіи Его рассказывали всѣмъ.  
 Святая ночь!.. Прошло съ тѣхъ поръ давнишнихъ  
 Ужъ много лѣтъ и лицъ,—конца нѣтъ въ ихъ числѣ,  
 А въ эту ночь поемъ мы:—„Слава Богу въ вышнихъ,  
 А въ челоуѣцѣхъ миръ да будетъ на землѣ!“

Ирисъ.



## НИЧЬЯ.

Святочный рассказъ.

-- Варька! Сбѣгай въ лавку!

— Варька, подмети комнату!

Тетка Наталья еще что-то приказала Варѣ, а затѣмъ вышла изъ себя и швырнула въ нее скомканной грязной тряпкой. Дѣвочка испугалась, отбѣжала въ уголь и сѣла тамъ за деревянный стулъ прямо на полъ. Это была у нея привычка прятаться отъ шлепковъ тети-Натальи. Когда старуха подбѣгала къ ней, то она загораживалась отъ нея стуломъ.

И на этотъ разъ тетка-Наталья хотѣла было погнаться за ней, но въ эту минуту изъ другого темнаго угла жалобно проговорилъ чей-то тоненькій голосокъ:—

— Тетя, оставь ее...

Это сказалъ маленькій Ваня, который былъ боленъ и лежалъ въ кроваткѣ.

Тетка-Наталья сѣла у окна и принялась за вязанье. Ея длинное туловище раскачивалось въ тактъ шуму метели, доносившемуся со двора, и это при недостаточномъ освѣщеніи комнаты придавало ей какой-то странный видъ, точно она была сдѣланной изъ воска фигурой. Спицы замелькали въ ея рукахъ. Послѣ нѣкотораго молчанія она проговорила:—

— Чего прячешься? Все равно изобью. И зачѣмъ только ты живешь на этомъ свѣтѣ? Вотъ погоди, пріѣдетъ отецъ, я нажалуюсь ему на тебя!

Варя и въ самомъ дѣлѣ была убѣждена въ томъ, что она—со-

вершенно лишній человекъ, что она ничья, и никакъ не могла понять, зачѣмъ именно она появилась на свѣтъ Божій. Добрые люди давно уже рассказали ей,—а ей теперь уже 10 лѣтъ,—что она не родная сестра Ванѣ и что онъ и она—отъ разныхъ матерей. Когда братъ тетки-Натальи, капитанъ паруснаго судна Востряковъ, женился на своей первой женѣ, то у нея уже была дочь Варя, ставшая для него падчерицей. А затѣмъ, когда мать Вари умерла и капитанъ Востряковъ женился во второй разъ, то Варя стала въ семьѣ совсѣмъ чужой. Вскорѣ умерла и вторая жена Вострякова, оставивъ маленькаго сынка Ваню, который былъ теперь боленъ и лежалъ въ кровати; самъ-же капитанъ Востряковъ находился въ дальнемъ плаваніи и теперь на рукахъ у тетки-Натальи Петровны остались двое дѣтей: родной племянникъ Ваня и совершенно чужая дѣвочка Варя. Ваню, какъ родного, въ семьѣ любили, а дѣвочку, какъ чужую и безродную, не любилъ никто: ее посылали въ лавку, заставляли топить печь и подметать полы. Но между самими дѣтьми была нѣжная, братская дружба.

Они любили другъ друга, считали себя родными братомъ и сестрой, и Ванѣ доставляло много страданій то, что съ Варей такъ грубо обращались.

— Вотъ погоди, говорилъ онъ

Варѣ,—папа прїѣдетъ съ моря и заступится за тебя. Онъ накажетъ тетю-Наташу.

Но Варя не вѣрила въ эти утѣшенія Вани. Она ничего не ожидала отъ возвращенія домой капитана Вострякова, такъ какъ знала, что она для него—чужая и онъ все равно ее не любитъ. Онъ любилъ одного только Ваню и такъ сильно, что то и дѣло присылалъ тетѣ-Наташѣ письма и телеграммы съ запросами, какъ его здоровье и не сдѣлалось-ли ему хуже.

А въ эту ночь Ванѣ дѣйствительно сдѣлалось хуже. Температура сразу повысилась, онъ впалъ въ безпамятство, докторъ сказалъ, что положеніе его серьезно,—и тетка-Наталья Петровна послала капитану Вострякову телеграмму: „Ваня боленъ опасно. Прїѣзжай скорѣе“.

Капитанъ Востряковъ получилъ эту телеграмму какъ разъ въ ту самую минуту, когда его корабль уже поднялъ якорь и собирался уходить въ море. Онъ засуматошился, засуетился, хотѣлъ было бросить свое судно, сойти на берегъ и поскорѣе отправиться къ себѣ домой по желѣзной дорогѣ, но судно находилось въ чужихъ краяхъ, до родины было далеко, и поневолѣ приходилось примириться со своимъ положеніемъ и отправляться въ море. Но по мѣрѣ того, какъ его корабль придвигался къ роднымъ берегамъ, нетерпѣніе капитана становилось все больше и больше. Что, если онъ потеряетъ своего единственного сына Ваню навсегда? Что, если онъ не застанетъ его въ живыхъ? И ему уже казалось непростительнымъ то, что онъ не бросилъ корабля

и не отправился домой тотчасъ-же, какъ получилъ телеграмму. Онъ стоялъ на своемъ мостикѣ, пристально всматривался въ туманную даль и искалъ глазами Трескендскаго маяка. Скоро должны были показаться его огни. На маякѣ есть люди. Самъ маякъ построенъ на длинной песчаной косѣ и отъ него недалеко находится маленькій городокъ, отъ котораго можно было-бы поскорѣе добраться до дома и увидѣть Ваню.

„Я поручу судно своему штурману, думалъ онъ,—а самъ сойду на берегъ у маяка и отправлюсь домой. Сторожъ поможетъ мнѣ добраться до городка... А судно черезъ двое сутокъ придетъ уже безъ меня въ назначенный портъ“...

И онъ стоялъ на мостикѣ и жадно всматривался въ непроницаемую темноту.

Свинцовое небо и свинцовая, пустынная равнина моря, вздымающагося отъ волнъ. Повсюду, насколько можетъ видѣть глазъ,—только небо да море, море и небо — и больше ничего. Что-то карабкается по его поверхности, прыгаетъ то вверхъ, то внизъ; что-то качается вправо и влево, какъ маятникъ. Это—одинокое судно, шхуна, идущая подъ парусами; впереди и позади ея поднимаются волны и осыпаютъ брызгами стоящаго на ней капитана Вострякова. Одѣтый въ непромокаемое пальто и широко разставивъ ноги, онъ стоитъ на мокромъ, качающемся мостикѣ и пристально глядитъ впередъ. Вокругъ него реветъ море, вѣтеръ дуетъ такъ, точно сорвался съ привязи, но всѣ помыслы капитана обращены

не на борьбу съ разъярившейся стихіей, а на то, какъ-то теперь чувствуетъ себя маленькій Ваня. Несомнѣнно, что у Вани тифъ, но выдержитъ-ли Ваня болѣзнь? Съ тѣхъ поръ, какъ капитанъ получилъ эту злочастную телеграмму, онъ не можетъ опомниться и притти въ себя.

— Штурманъ! скомандоваль онъ.

— Я здѣсь, капитанъ!..

Востряковъ стоялъ неподвижно, скрестивъ руки на груди.

— Ставьте парусъ!.. сказалъ онъ.

Штурманъ отеръ съ лица соленныя брызги и съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на капитана.

— Но мы и безъ того уже поставили много парусовъ, отвѣтилъ онъ.

Капитанъ строго посмотрѣлъ на штурмана.

— Намъ нужно скорѣе домой.. сказалъ онъ. У меня умираетъ сынъ! Дѣлайте, что вамъ велятъ!

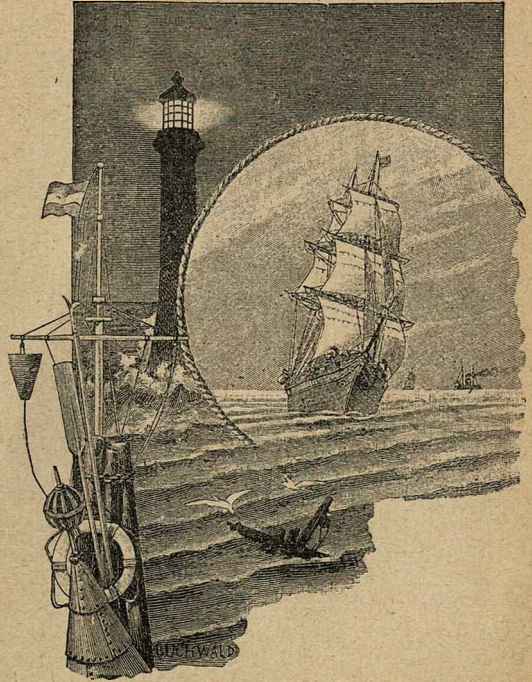
Подвигаться впередъ было нужно во что-бы то ни стало! Каждый просроченный часъ казался капитану вознагражденной потерей. Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ роднымъ мѣстамъ, тѣмъ становился все возбужденнѣе и нервнѣе.

Впередъ! Впередъ!

Но вотъ вдаль, точно бриллиантъ, сверкнулъ желанный лучъ Трескендскаго маяка. Онъ вспыхнулъ яркой, очаровательной звѣздой и погасъ. Затѣмъ онъ вспыхнулъ вновь и снова погасъ. Эти чередованія вспышекъ маяка какъ-то невольно заставляли думать, что тамъ, гдѣ вспыхивалъ этотъ яркій, точно звѣзда, свѣтъ, находилась блаженная страна, гдѣ

никто не вѣдалъ ни слезъ, ни горя, ни этихъ дикихъ, разъярившихся волнъ.

И капитанъ Востряковъ подошелъ къ рулевому, сталъ вмѣсто него у руля и повернулъ корабль прямо на огонь маяка.



— Капитанъ, крикнулъ сквозь вой вѣтра Вострякову штурманъ. — Вѣдь мы наскочимъ у маяка на камни и погибнемъ! Мы пойдемъ ко дну!

Востряковъ посмотрѣлъ на него рѣшительнымъ взглядомъ.

— Довѣрьтесь мнѣ, отвѣтилъ онъ. — я доставлю васъ всѣхъ невредимыми на берегъ. — У меня заболѣлъ сынъ, и я хочу его увидѣть во что-бы то ни стало. — Мы подойдемъ къ маяку, вы высадите меня на берегъ и пойдете дальше своей дорогой уже безъ меня. Оставьте меня тамъ одного!

— Но въ такую бурю наше судно неминуемо разобьется у маяка о камни! Я пойду за вами, капитанъ, куда угодно, я исполню свой долгъ до конца, но пожалѣйте матросовъ, у которыхъ тоже есть жены и дѣти!

Сильная борьба возникла въ душѣ у капитана; онъ видѣлъ, онъ сознавалъ, что рисковалъ судномъ, желая увидѣть своего больного сына. Но въ эту минуту громадная волна налетѣла на корабль, залила его почти сплошь, порывъ вѣтра надулъ обрывки парусовъ и погналъ судно прямо на маякъ. Снѣжная буря промчалась изъ края въ край. Другая чудовищная волна сбила шлюпки и прикрытія надъ палубой и не прошло и пяти минутъ, какъ сломалась одна мачта, а за нею грохнула и другая.

Судно вдругъ вздрогнуло всѣмъ корпусомъ отъ сильнаго удара. Оно коснулось подводныхъ камней. Затѣмъ его снова приподняло, ударило еще разъ, опять приподняло и, наконецъ, крѣпко посадило на мель среди буруновъ. Сбоку, въ верстѣ отъ крушенія, ярко свѣтилъ маякъ. Но фонари на суднѣ уже погасли и у пострадавшихъ не было ничего, чѣмъ-бы они могли дать о себѣ знать на берегъ. Сбившись въ одну кучу и прижавшись другъ къ другу тамъ, гдѣ было посуше, моряки тупо глядѣли во мракъ, возлагая послѣднюю надежду на остатки судна или на чудесное спасеніе отъ маяка.

Ихъ обдавало снѣжной вьюгой и брызгами пѣнившихся волнъ. Подобно насторожившемуся тигру, онѣ налетали на нихъ, неся без-

прерывное разрушеніе. Вдругъ раздался трескъ по всему остову. Каждый схватился за свой пробковый поясъ; затѣмъ всѣ стали въ темнотѣ нащупывать руками другъ друга, желая выразить этимъ свой на вѣки прощальный, послѣдній привѣтъ, и исчезли въ морской глубинѣ...

На разсвѣтѣ сторожъ поднялся на вышку маяка, чтобы затушить огонь. Завидѣвъ въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ разбившійся о камни корабль, онъ тотчасъ-же сбѣжалъ внизъ, осѣдлалъ коня и поскакалъ въ сосѣднюю деревню сообщить объ этомъ мѣстнымъ крестьянамъ. Когда они съ веревками и со спасательными принадлежностями прибѣжали на берегъ, то было уже свѣтло. На мокромъ, обледенѣвшемъ пескѣ, между камнями, они увидали весь экипажъ съ погибшаго корабля. Штурманъ и семь человекъ матросовъ лежали на пескѣ; ихъ обливали холодныя волны, одежда на нихъ промерзла насквозь, они были еще живы и только нуждались въ помощи и въ теплѣ.

Но капитана среди нихъ не оказалось. Его тѣло исчезло неизвѣстно куда и какъ его ни искали, такъ и не могли найти. Такъ и рѣшили, что онъ погибъ, положили пострадавшихъ въ сани и отвезли ихъ въ городъ, откуда они могли поскорѣе добраться домой.

Сѣрый туманъ, сквозь который фонари на мосту мерцали рѣдкими, красноватыми огоньками, тяжело висѣлъ надъ городомъ и, точно вата, окутывалъ дома, потемнѣвшіе заборы и деревья. Варя по прежнему сидѣла въ своемъ углу и смотрѣла изъ-за стула на



тетю Наташу испуганными глазами. Что, если-бы она не была здѣсь чужой? Что, если-бы жива была ея мать? Какъ-бы тихо и мирно онѣ зажили-бы теперь вдвоемъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ, гдѣ теперь такой чистый воздухъ и такъ бѣлъ и нѣженъ снѣгъ! А еще лучше, если-бы Варя была

кроваткѣ, на которой лежалъ больной Ваня, и обхватила его тѣлце руками.

— Ваня!.. - окликнула она его. — Ваня, ты слышишь?..

Онъ лежалъ съ закрытыми глазами и не двигался.

— Ваня, открой глазки!..—продолжала она и на глазахъ у нея



не дѣвочкой, а мальчикомъ. Тогда она поступила-бы куда-нибудь на мѣсто, имѣла-бы свои деньги и не зависѣла отъ этой строгой, суровой Натальи Петровны...

Тетка Наталья поднялась съ мѣста и этимъ прервала ея мечты. Она вспомнила, что въ лампу нужно было налить керосину, и вышла въ кухню. Едва только она скрылась, какъ Варя выскочила изъ своего угла, подскочила къ

показались слезы.—Поговори со мной!.. Мнѣ такъ скучно одной! Вѣдь я здѣсь чужая!..

Въ это время на улицѣ вдругъ сильно хлопнула входная дверь и послышались чьи-то громкіе мужскіе и женскіе голоса.

Это были штурманъ и матросы съ погибшаго корабля и ихъ жены. Наталья Петровна выбѣжала имъ на встрѣчу и стала громко плакать.



Раньше всѣхъ.



Что-же это такое? О чемъ она такъ плакала? У Вари похолодѣло подѣ сердцемъ. Она стала прислушиваться и до нея долетѣли странныя отрывочныя слова:

— Наше судно потерпѣло крушеніе... Капитанъ Востряковъ погибъ...

Варя вскрикнула и не могла двинуться съ мѣста. Теперь для нея исчезла послѣдняя надежда: погибъ ея отчимъ, единственный во всемъ свѣтѣ человекъ, котораго она ждала и котораго считала для себя роднымъ. Кто теперь заступится за нее, когда ее будутъ бить?

— Папа! Папа!—закричала она и упала головою къ Ванѣ на плечо.

Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

— Что папа?.. — чуть слышно спросилъ онъ.

— Судно разбилося и онъ погибъ...

И Варя залилась слезами.

Но все они ошиблись. Капитанъ Востряковъ былъ живъ и не погибъ. Онъ выплылъ на берегъ, былъ подобранъ какимъ-то рыбакомъ и долго пролежалъ у него безъ памяти, находясь между жизнью и смертью, и ожидалъ того времени, когда могъ-бы возвратиться домой.

Прошелъ мѣсяць. Наступилъ сочельникъ.

Нагорѣвшая свѣтильня огарка склонилась на сторону и освѣщала красноватымъ пламенемъ оконченнѣе пальцы Вари, державшіе какое-то шитье. Этотъ же огарокъ освѣщаль маленькую, низенькую хибарку, старую кровать и разрисованное морозными узорами маленькое окошечко. Варя дрожала отъ холода.

Послышался тихій стукъ въ дверь. Варя вскочила со стула и откинула на двери крючокъ. Вошелъ Ваня, худенькій и поблѣднѣвшій, только недавно оправившійся отъ болѣзни.

— Сейчасъ твоя свѣчка догоритъ, сказалъ онъ, оглядывая со страхомъ хибарку. — Тебѣ не страшно будетъ сидѣть впотмахъ?

— Нѣтъ... отвѣтила Варя. — Только вотъ холодно немного...

— Отчего-же ты не сойдешь внизъ? Тамъ теплѣе!

— Хозяйка заставитъ что-нибудь дѣлать и будетъ кричать... А я боюсь...

— За что-же она будетъ на тебя кричать?

— За то, что я плохо мою полы и не люблю качать ея ребенка. Съ тѣхъ поръ какъ утонулъ нашъ папа и какъ тетя отдала меня къ портнихѣ въ няньки, я не спала уже нѣсколько ночей. Мнѣ такъ хочется спать!..

— Отчего-же ты не спишь сейчасъ? Вѣдь ребенокъ унялся и тебя внизъ не зовутъ!

— Надо дошить вотъ этотъ подоль... Хозяйка приказала...

Ваня глубоко вздохнулъ и дѣти долго, молча, просидѣли вмѣстѣ въ хибаркѣ.

— Если-бъ былъ живъ нашъ папа, нарушилъ наконецъ молчанія Ваня, — то у насъ сегодня была-бы елка...

— Да, отвѣтила Варя. — Но тебѣ-бы сдѣлали подарокъ, а мнѣ нѣтъ...

— Почему-же?

— Потому что... Потому что папа не любилъ меня. Тебя любилъ, а меня нѣтъ.

Ваня виновато опустил глаза и опять глубоко вздохнулъ.

— А все таки хорошо, когда бываетъ елка... сказалъ онъ. — Такъ весело, пріятно... Горятъ свѣчи... Сверкаютъ украшенія и гостинцы... Мнѣ такъ-бы хотѣлось, чтобы у насъ была елка!

На глазахъ у Вани заблестали слезы. Варя подняла отъ шитья голову и съ грустью поглядѣла на своего своднаго брата. Она любила его. Ей такъ было жаль, что у него не будетъ елки, и такъ было досадно на себя, что она была бессильна и ничего не могла для него сдѣлать! Маленькій, худенькій, поблѣднѣвшій отъ тяжелой болѣзни, онъ сидѣлъ около нея подперши подбородокъ кулачкомъ, и большими, влажными глазами глядѣлъ въ пространство. Что, если-бы она была богата, какъ та дама, къ которой она носила вчера на примѣрку отъ хозяйки кофточку! Что, если-бы и у нея было столько-же денегъ и столько свѣта въ квартирѣ! Какую-бы она очаровательную елку сдѣлала бы тогда для Вани! Не для себя самой, а для Вани... Онъ теперь сирота и о немъ некому позаботиться кромѣ нея... И она оставила шитье и тоже большими, немигающими глазами стала смотрѣть въ пространство.

И вдругъ снизу послышался голосъ:

— Варька, снеси барынѣ кофточку!

Варя вздрогнула, простилась наскоро съ Ваней и побѣжала внизъ, а Ваня вслѣдъ за нею побрелъ къ себѣ домой.

Дулъ вѣтеръ и цѣлыя облака снѣжной пыли неслись вдоль

улицы и наметали цѣлыя сугробы у заборовъ и воротъ.

Варя взяла отъ хозяйки кофточку, уложила ее въ картонъ и отправилась къ той заказчицѣ, у которой была и вчера. Это была какая-то очень важная дама. Она жила въ богатой квартирѣ на третьемъ этажѣ и Варя видѣла однажды, какъ она вышла изъ параднаго крыльца своего дома, сѣла въ экипажъ и поѣхала кататься. То и дѣло отворачиваясь отъ встрѣчнаго рѣзкаго вѣтра, Варя брела въ своихъ изорванныхъ башмакахъ по улицѣ и пожималась отъ холоднаго снѣга, засыпавшагося ей иногда за шею и въ рукава.

— Ну, погода! кричали проходившіе мимо нея мужики.

Но вотъ и квартира барыни. У двери стоитъ большая, связанная елка, распространяя вокругъ себя хвойный запахъ. На елкѣ лежитъ еще снѣгъ, — значить, эту елку только что купили и только что внесли въ домъ и поставили на парадной лѣстницѣ. Варя поднимаетъ руку и нажимаетъ звонокъ. Динь-динь-динь!

Ей отворяетъ горничная съ бѣлой наколкой на головѣ и спрашиваетъ:—

— Дѣвочка, тебѣ кого?

— Кофточку отъ портнихи принесла...— Барыня дома?

Ее вводятъ въ квартиру. Кругомъ чисто, горятъ огни и такъ уютно и пахнетъ какими-то вкусными, сладкими духами. Весь столъ въ столовой заваленъ фруктами, сладостями и превосходными картонажами, приготовленными для елки. Нѣсколько дѣтей шумятъ, жужжатъ, какъ пчелки, на-

висая надъ столомъ и золотя орѣхи и раскладывая по мѣшочкамъ сласти... Они такъ увлеклись приготовленіями къ елкѣ, что и не замѣчаютъ, что тутъ-же, у двери, стоитъ Варя и жадными глазами смотритъ на ихъ работу. Выходитъ барыня, беретъ отъ нея кофточку, примѣряетъ ее въ другой комнатѣ и затѣмъ выходитъ снова.

— Хорошо, дѣвочка! говоритъ она.—Передай твоей хозяйкѣ, что я довольна! Кофточка сидитъ хорошо!

Она лѣзетъ къ себѣ въ кошелекъ, достаетъ изъ него двадцать копѣекъ и протягиваетъ ихъ къ Варѣ.

— А это возьми себѣ на праздникъ! говоритъ она.

И замѣтивъ, что дѣвочка не можетъ оторвать глазъ отъ елочныхъ украшеній и сластей, она подходитъ къ столу, беретъ съ него нѣсколько золоченыхъ орѣховъ, простыхъ картонажей и сластей и все это передаетъ Варѣ.

— Держи фартукъ! говоритъ она.—Вотъ такъ! Это тебѣ въ подарокъ.

Сердце у Вари забилось. Боже мой, какъ она была теперь богата! Она не ожидала, что у нея будетъ двугривенный и столько сластей, и, не помня себя, позабывъ даже отъ радости поблагодарить барыню, бросилась внизъ по лѣстницѣ и выбѣжала на улицу. Въ вискахъ у нея стучало. Ей хотѣлось не бѣжать, а поскорѣ летѣть къ себѣ, гдѣ ее дожидался Ваня, чтобы сказать ему, что и у него тоже будетъ сегодня елка, и она не чувствовала ни вѣтра, ни снѣга, не замѣчала вокругъ себя ничего и только повторяла:—

— У насъ будетъ елка!.. У насъ будетъ сегодня елка!.. Мы развѣшаемъ на ней эти золоченые орѣхи и сласти и купимъ на этотъ двугривенный свѣчей!..

Дуль вѣтеръ, было морозно и снѣгъ по прежнему тучами носился по улицамъ и цѣлыми облаками срывался съ крышъ.

Варя забѣжала къ себѣ, не застала Ваню и спрятавъ то, что принесла, снова выбѣжала на улицу. вмѣсто того, чтобы идти къ хозяйкѣ и качать проснувшегося младенца, она все шла по улицѣ и шла, все время думая о томъ, какъ-бы устроить для Вани елку? Ей было больно, что онъ могъ быть лишенъ того, что имѣлъ при отцѣ каждый сочельникъ, и въ то-же время у нея радостно и сладко замирало сердце при одной только мысли о томъ, что именно она устроить для него елку. Нѣтъ, онъ будетъ ее имѣть! Она докажетъ, что она уже не маленькая, что она сумѣетъ позаботиться о Ванѣ, хотя онъ ей и не родной братъ и она совсѣмъ для него чужая. Если нужно, то она даже положитъ за него свою жизнь!

Вотъ только-бы добыть гдѣ-нибудь самое дерево, самую елку, къ которой можно было-бы прикрѣпить потомъ свѣчи, сласти и золоченые орѣхи!

И полная думъ и въ то-же время тоски по уютной комнатѣ, гдѣ тепло и гдѣ люди не дерутся и не ругаются за всякій пустякъ. гдѣ не кричатъ младенцы и можно поспать хоть одну минутку безъ боязни, что тебя могутъ сейчасъ-же разбудить и не дать тебѣ спать до самаго утра, она незамѣтно для самой себя вышла изъ города.

Вотъ послѣдніе заборы, вотъ большой уютный острогъ, вотъ кладбище... Необозримая снѣжная равнина теряется въ темнотѣ и вихри снѣга кружатся по ней и злобствующій вѣтеръ гуляетъ по ней на просторѣ. Вотъ одинокая кузница, въ которой лѣтомъ ковали лошадей, а теперь она стоитъ пустая съ забитыми дверьми. Варя проходитъ мимо нея и боится взглянуть налѣво, гдѣ изъ за ограды кладбища выглядываютъ бѣлые памятники и кресты. Но вотъ ужъ и они остались позади. Стемнѣло совсѣмъ и Варя сбилась съ дороги. Она чувствуетъ какъ грузнуть въ снѣгу ея ноги и какъ ей холодно и почему-то ужасно хочется пить. Она останавливается и оглядывается по сторонамъ. Гдѣ она? Какъ и зачѣмъ она сюда попала? Ахъ, да! Она хотѣла срѣзать въ лѣсу елку, чтобы принести ее къ Ванѣ и убраться ея гостинцами, которые получила отъ барыни-заказчицы!

Впереди—настала тьма, позади мелькаютъ огоньки далекаго города, слѣва тянутся ветлы, насаженныя вдоль дороги, а справа—молодой еловый лѣсокъ. Варя сворачиваетъ въ этотъ лѣсокъ, долго шаритъ у себя въ карманѣ, отыскиваетъ перочинный ножичекъ Вани и, раскрывъ его окоченѣвшими пальцами, начинаетъ срѣзать съ корня елку.

„Теперь Ваня можетъ быть спокоенъ, думаетъ она.—У него сегодня будетъ елка!“

Вѣтеръ дуетъ съ удвоенной силой, морозъ леденитъ всѣ ея члены и снѣгъ засыпается ей за шею, въ рукава, въ чулки... Она срѣзаетъ наконецъ елку, беретъ ее,

выбѣгаетъ съ ней на дорогу и хочетъ идти домой. Но ноги не несутъ ее. Она шевелитъ пальцами въ башмакахъ, но пальцы не шевелятся, она старается потереть себѣ озябшія щеки, но руки опускаются у нея, какъ плети.

„Неужели я замерзаю?...“ мелькнуло у нея въ головѣ.

Ей вдругъ сильно, невыносимо захотѣлось спать, она почувствовала, какъ какая-то странная истома сковала вдругъ всѣ ея члены, и всѣмъ своимъ тѣломъ она повалилась на снѣгъ и закрыла глаза.

И вотъ явился къ ней Ангелъ. Легкій, какъ сонъ, прекрасный, какъ мечта, свѣтлый, нѣжный и ласковый, онъ протянулъ къ ней свою легкую руку и его прозрачная одежда смѣшалась со снѣжинками и края ея казались таявшими въ воздухѣ.

— Не печалься... сказалъ онъ голосомъ чарующимъ, какъ музыка, и пріятнымъ, какъ волшебный сонъ.—Счастливымъ можетъ быть только тотъ, кто живетъ для другихъ; и кто страдаетъ,—тотъ бываетъ вознагражденъ.

И запѣвъ пѣсню, ангелъ поднялся къ небу и тихо скрылся за облаками...

— Тру!.. послышался вдругъ голосъ и пара лошадей остановилась какъ разъ у самой Вари, лежащей съ закрытыми глазами на снѣгу.

— Что такое? спросилъ кто-то изъ кибитки.

— Тутъ, баринъ, кто то лежитъ... отвѣтилъ ямщикъ и слѣзъ съ козелъ.—Такъ и есть... Какая-то дѣвочка!.. Замерзла сердешная!

Онъ взялъ ее на руки и поднесъ ее къ кибиткѣ. Сидѣвшій въ

ней господинъ сбросилъ съ ногъ полость и тоже выльзъ изъ саней.

— Бѣдняжка... сказалъ онъ.— Клади ее сюда! Давай ее!.. Вотъ такъ!

Онъ принялъ Варю отъ ямщика и жалостливо уложилъ ее на сидѣнье саней. Какъ раненая птичка, она свѣсила блѣдную головку на бокъ и если-бы не таявшія около ея губъ снѣжинки, то можно было-бы подумать, что она замерзла совсѣмъ.

— Давай ее растирать! сказалъ господинъ.— Или нѣтъ, давай лучше укутаемъ ее теплѣе и отогрѣемъ!

— Да она уже больше не дышитъ, баринъ! Развѣ не видишь, что она уже окостенѣла совсѣмъ!

— Пустое! Она еще тепленькая! Разверни-ка пошире мой пледъ!

Они укутали Варю въ пледъ, уложили ее въ сани, сѣли на свои мѣста и поѣхали въ городъ.

Когда Варя открыла глаза, то было уже совсѣмъ темно. По бокамъ улицы тянулись фонари и въ магазинахъ были ярко освѣщены окна. Въ верхнихъ этажахъ кое-гдѣ виднѣлись зажженные елки и мелькали головки мальчиковъ и дѣвочекъ съ вплетенными въ волосы бантиками. Слышенъ былъ церковный звонъ: это звонили ко всеобщей. Значитъ, было уже шесть часовъ. Спѣшили прохожіе, стараясь закупить къ празднику все необходимое. Послѣ снѣжной бури въ полѣ, метель въ городѣ казалась маленькой и не страшной.

— Гдѣ ты живешь, дѣвочка? вдругъ обратился къ Варѣ господинъ.—Куда тебя доставить?

Она сказала ему свой адресъ.

— Какъ-же ты попала въ поле? Почему мы тамъ тебя нашли?

Она рассказала ему, какъ ей хотѣлось, чтобы у ея своднаго брата Вани была сегодня елка, какъ барыня—заказчица подарила елочныхъ украшеній и сластей, и какъ она побѣжала затѣмъ за городъ, въ лѣсъ, чтобы срѣзать тамъ елку и принести ее къ Ванѣ. Она рассказывала это и въ то-же время чувствовала, что гдѣ-то давно-давно слыхала голосъ этого господина. но дремота одолевала ее и она не могла открыть глаза, чтобы посмотрѣть на него и узнать. А онъ все продолжалъ ее спрашивать.

— Но кто-же твои мать и отецъ?

— Мамы у меня нѣтъ, отвѣтила она,—а папа у меня былъ, хоть и не родной, но онъ утонулъ въ морѣ мѣсяць тому назадъ.

— Ты, значитъ, живешь вмѣстѣ съ братомъ Ваней? Вы живете одни?

— Нѣтъ, отвѣтила она, едва пересиливая дремоту.—Ваня живетъ у тети, а меня отдали къ портнихѣ въ няньки... Какъ только утонулъ нашъ папа, тетя сейчасъ-же отдала меня въ услуженье... Мнѣ такъ хочется спать!.. Я не спала уже давно...

Господину тоже казалось, что онъ гдѣ-то слышалъ голосъ этой дѣвочки, но гдѣ именно, припомнить не могъ. Ему было безконечно ее жаль, хотѣлось сдѣлать ей что-нибудь пріятное и то, что она чуть не пожертвовала жизнью для своего брата, приводило его въ умиленіе и казалось ему значительнымъ. Онъ хотѣлъ заглянуть ей въ лицо, но было темно, и оно все было укутано платкомъ сплошь по самыя глаза.



„Вотъ, если-бъ Варя была такою героиней!“ подумалъ онъ.— „Какъ-бы я былъ покоенъ за своего Ваню! Она замѣняла-бы ему въ мое отсутствіе родную мать!“

И, наклонившись къ Варѣ, онъ во второй разъ ее спросилъ:

— Такъ гдѣ ты, дѣвочка, живешь?

Она сообщила ему свой адресъ и онъ подвезъ ее къ дому, гдѣ она жила. Какъ была, завернутая въ пледъ господина, она вылѣзла изъ саней, поблагодарила его за то, что онъ ее подвезъ, и, не заходя къ хозяйкѣ и еле держась на ногахъ, грустно побрела къ себѣ въ чуланъ.

„Какая досада... подумала.— „А елку-то я и позабыла въ саняхъ“...

Было холодно, дулъ вѣтеръ и безъ свѣчки казалось такъ сиротливо, неуютно и чуждо въ этомъ темномъ, холодномъ чуланѣ, гдѣ бѣгали иногда съ пискомъ крысы и такъ страшно, безумно хотѣлось ѣсть.

Кушать, кушать, кушать!

Поѣсть чего-нибудь и поспать.

И, сложивъ руки ладонями вмѣстѣ, Варя опустилась на колѣни и стала молиться:

— Боженька, шептала она.— Дай, чтобы воскресъ мой папа, хоть онъ мнѣ и не родной, и сдѣлай такъ, чтобы онъ меня любилъ!

И ей показалось, будто-бы она видитъ путеводную звѣзду, пещеру и въ ней Младенца—Христа, отъ котораго исходитъ свѣтъ гораздо ярче, чѣмъ отъ того ангела, котораго она видѣла въ полѣ.

И вдругъ раздался стукъ въ дверь и послышался голосъ:—

— Варя, Варя! Скорѣе!

Это кричалъ прибѣжавшій, запыхавшійся Ваня.

— Что случилось? испугалась она.— Чего ты кричишь?

— Не скажу.

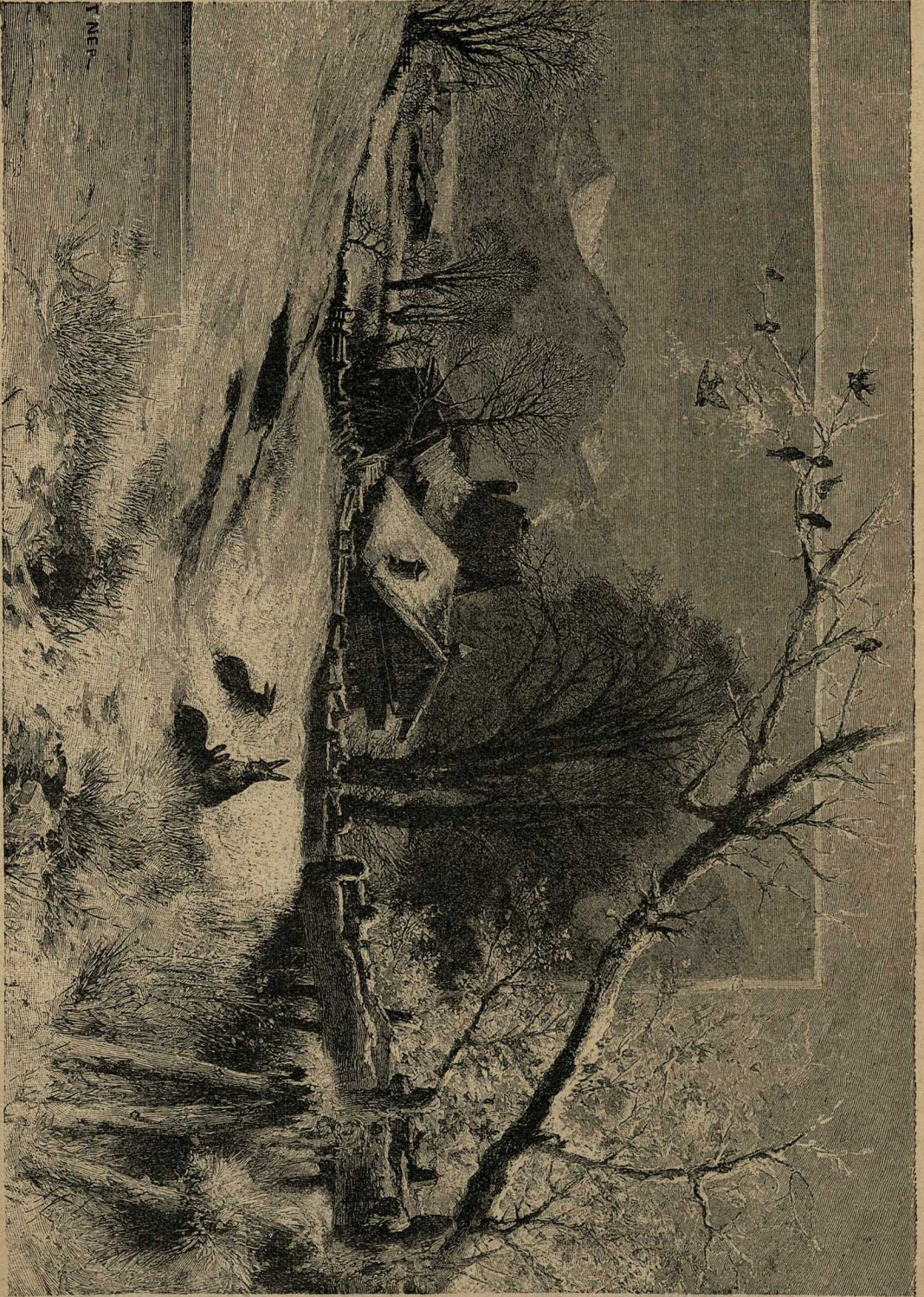
Онъ потащилъ Варю за собой. Все еще закутанная въ пледъ господина, она бѣжала за нимъ и сердце ея билось отъ усталости и страха. Молча, они добѣжали до квартиры Натальи Петровны. Дверь отворилась и Варя остановилась пораженная, но не тѣмъ, что на столѣ стояла ея елка, вся уже увѣшанная украшениями и блиставшая огнями. Ея глаза, какъ очарованные, не могли оторваться отъ фигуры отца, который ожидалъ ее, нелюбимую Варю, и который тотчасъ-же узналъ ее и на ней свой пледъ. Съ распростертыми объятіями капитанъ Востряковъ бросился къ ней навстрѣчу, а она взвизгнула и бросилась къ нему на шею:

— Варя! Варя! воскликнулъ онъ.— Моя милая героиня, дорогая моя дочь!

Она положила ему голову на грудь и стала плакать. Онъ усадилъ ее рядомъ съ собою на диванъ и сталъ ее ласкать. Взглядъ ея переходилъ съ отца на Ваню, съ Вани на ярко освѣщенную елку, и все это казалось ей сладкимъ сномъ, ей не вѣрилось, что все это было на яву, и она протирала себѣ глаза и боялась, какъ-бы не проснуться.

— Папа, папа!.. шептала она.

Наболѣвшая душа ребенка, казалось, не могла насладиться звуками этого слова. А ея отецъ по прежнему сидѣлъ около нея и посадивъ къ себѣ на колѣни Ваню,



Въ оогьлннкѣ.

сталъ разсказывать ему о томъ, А въ это время въ сосѣдней цер-  
какъ онъ потерпѣлъ крушеніе, кви зазвонили въ колокола и пѣв-



Съ праздникомъ!

какъ спасся и какъ цѣлыя долгія чіе тихо и стройно запѣли: „Слава  
недѣли пролежалъ больной въ убо- въ вышнихъ Богу и на землѣ мирь,  
гой хижинѣ прибрежнаго рыбака. въ чловѣцѣхъ благоволеніе“...

Ч.





## КЪ ТИХОЙ ПРИСТАНИ.

(Исторія мальчика).

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

### IV. НА ПАРХОДѢ.

— Семеновъ, гдѣ капитанъ? спросилъ рыжій господинъ у проходившаго матроса.

— У себя въ каютѣ! отвѣтилъ матросъ и пошелъ дальше.

Рыжій господинъ повелъ Сережу между тюками товара, кучами набросаннаго на палубѣ, вошелъ съ нимъ въ какой-то темный узенькій корридорчикъ, потомъ снова вышелъ изъ него на заваленную товаромъ палубу и по крутой лѣсенкѣ повелъ его куда-то наверхъ. Здѣсь Сережа увидѣлъ маленькій домикъ съ зелеными занавѣсками на окнахъ, а въ домикѣ столъ, большіе круглые часы и шкафчикъ съ бумагами. У стола сидѣлъ бѣлокурый господинъ и что-то ѣлъ.

Остановившись у открытой двери, рыжій господинъ спросилъ, можно-ли войти?

— Входите! отвѣтилъ бѣлокурый.

— Вотъ я мальчика привелъ, капитанъ, сказалъ рыжій господинъ.—Вашъ знакомый Семень Петровичъ, просилъ меня передать вамъ его съ рукъ на руки.

— Ахъ, очень пріятно... Покажите мнѣ его.

Дрожа отъ страха, Сережа сдѣлалъ два шага впередъ.

— Ухъ, какой маленькій! сказалъ капитанъ, оглядывая его со всѣхъ сторонъ.—Сколько тебѣ лѣтъ, карапузъ?

— Одиннадцать... чуть слышно отвѣтилъ Сережа.

— А какъ тебя зовутъ?

— Сергѣемъ...

— Молодецъ! И обратившись къ штурману, капитанъ продолжалъ:— Пристройте его, пожалуйста, гдѣ-нибудь во второмъ классѣ, а завтра я устрою для него другое мѣсто.

Сережа вытащилъ изъ кармана дядино письмо, передалъ его дрожащими руками капитану и вмѣстѣ со штурманомъ снова побрелъ по темному корридору и по заваленной товарами палубѣ. По дорогѣ онъ вздрогнулъ: перекинувшаяся черезъ бортъ волна обдала его съ ногъ до головы холодной водой и залилась ему за шею.

— Ничего, ничего! сказалъ ему штурманъ и сталъ спускаться съ

нимъ куда-то внизъ, точно въ погребъ.

„Куда онъ меня ведетъ?“ подумалъ Сережа, дрожа отъ холода и страха.

Спустившись внизъ, штурманъ открылъ передъ нимъ дверь и ввелъ его въ большую комнату, со столомъ по срединѣ. По стѣнамъ комнаты въ три ряда тянулись полки, а на нихъ, точно товаръ въ лавкѣ, лежали люди. Одни спали, вытянувшись во весь ростъ а другіе, свѣсивъ ноги и закрывши руками лицо, какъ показалось Сережѣ, о чемъ-то мучительно думали, или-же страдали головной болью.

— Прилягте вотъ здѣсь, Сережа... сказалъ штурманъ, указывая на пустое мѣсто на нижней полкѣ. — Сейчасъ вамъ принесутъ ваши вещи.

И влѣдъ затѣмъ онъ вышелъ. Вскорѣ матросъ принесъ Сережини подушку и одѣяло, устроилъ ему постель, поздравилъ его съ новосельемъ и тоже вышелъ. Не раздѣваясь, Сережа легъ на постель и долго не могъ уснуть. Онъ слышалъ съ боку, сейчасъ-же за стѣной, злобные удары волнъ о пароходъ, чувствовалъ мѣрныя покачиванія, отъ которыхъ у него холодѣла кровь, и поминутно закрывалъ глаза при видѣ качавшейся изъ стороны въ сторону лампы на проволокѣ. Всякій разъ какъ онъ закрывалъ ихъ, передъ нимъ въ мельчайшихъ подробностяхъ проносились родныя, покинутыя имъ мѣста и люди: и хуторъ, и поля, и Юхимъ, и тегушка Марфа Петровна... Отъ мѣрныхъ покачиваній парохода, отъ которыхъ койка то поднималась, то

опускалась, Сережѣ сдѣлалось дурно. Въ страхѣ онъ вскочилъ на ноги, бросился вверхъ по лѣстницѣ и побѣжалъ по палубѣ, то и дѣло натыкаясь на невидимые тюки и брусья и хрустя ногами по рассыпанному углю. — „Осторожнѣе, молодчикъ! Въ люкъ попадешь!“ крикнулъ ему кто-то, но онъ не слышалъ. Увидавъ дверь въ слабоосвѣщенный корридоръ, онъ бросился въ него и очутился вдругъ въ машинѣ. Черный въ шведской курткѣ машинистъ спалъ сидя прямо на полу и громадныя колеса и рычаги злобно сторожили его сонъ. Сережа прошелъ черезъ машину по узкому мостику, вышелъ снова на палубу и по какой-то лѣсенкѣ взобрался на площадку, всю уставленную скамейками и столами. Отсюда онъ разглядѣлъ и громадную тубу парохода, и мачту, точно маятникъ, медленно качавшуюся передъ нимъ. Желая разсѣяться и тѣмъ избавиться отъ дурноты, онъ ухватился за перила и посмотрѣлъ внизъ: тамъ уже ничего не было кромѣ волнъ. Привезшій его пароходикъ уже ушелъ, баржу разгрузили.. Только далеко передъ нимъ горѣлъ маякъ и цѣлый рядъ огоньковъ показывалъ то мѣсто, гдѣ должна была находиться Одесса. Кругомъ шумѣли волны, иногда вспрыгивая на пароходъ и обливая Сережу съ ногъ до головы. Глядя на нихъ, на качавшуюся изъ стороны въ сторону мачту и то опускаясь, то поднимаясь вмѣстѣ съ площадкой, онъ вспомнилъ, что тамъ, гдѣ теперь такъ привѣтливо мелькаютъ на горизонтѣ огоньки, тихо и мирно спятъ теперь его родные и не знаютъ о томъ, какъ онъ несча-

стливъ. И онъ опустился на скамью и сталъ плакать.

— Бѣдный я!.. всхлипывалъ онъ. — Зачѣмъ меня привезли сюда? Я здѣсь умру!

Кто-то подошелъ къ нему и взялъ его за плечо. Сережа поднялъ голову и узналъ въ немъ штурмана.

— Это вы, Сережа?—спросилъ штурманъ.—Да вы никакъ плачете? Идите-ка лучше спать! Пойдемте, я васъ провожу!

Сережа поднялся съ мѣста и пошелъ съ нимъ въ каюту. Здѣсь уже всѣ спали и только одинъ какой-то еврей сидѣлъ у стола и что-то вполголоса читалъ на непонятномъ языкѣ.

Сережа влѣзъ на койку и долго еще думалъ о теткѣ и о хуторѣ. Онъ все еще никакъ не могъ привыкнуть къ качкѣ, къ ударамъ волнъ о стѣну и къ дурнотѣ. А еврей все читалъ и читалъ...

Только подъ утро Сережа заснулъ, но не надолго. Его разбудилъ ударъ цѣпей с потолка и бѣготня по палубѣ. Онъ быстро вскочилъ, выбѣжалъ наверхъ и уже ни увидалъ ни маяка, ни огней, ни темноты. Передъ нимъ на горизонтѣ виднѣлись только узенькая, розоватая полоска земли, да два или три корабля.

Пароходъ несея на всѣхъ парахъ.

Проводивъ Сережу, тетушка Марфенька и Семенъ Петровичъ еще долго стояли на берегу, стараясь разсмотрѣть въ темнотѣ удалявшійся отъ нихъ пароходикъ. Сначала они еще различали его по его огнямъ, а потомъ, когда онъ вошелъ въ группу кораблей, стоявшихъ вдали отъ берега на якорѣ и точно такъ-же выставившихъ

огни,—они совершенно потеряли его изъ виду и долго еще щурили глаза, чтобы увидать его снова.

Вокругъ нихъ бушевала непогода. Поднимая пыль и гудя на разные голоса въ снастяхъ шкунъ, стоявшихъ у берега, вѣтеръ гналъ волны передъ собою и дробилъ ихъ на мелкія брызги. Пламя фонарей, тамъ и сямъ разбросанныхъ по гавани, мелькало изъ стороны въ сторону и каждую минуту готово было погаснуть совсѣмъ и только одно электричество, горѣвшее на маякѣ, оставалось спокойнымъ и не мигало. Что случилось съ моремъ? Чего ему надо? На что оно такъ безжалостно разсердилось?

Печальные, понуривъ головы и прикрывая отъ пыли глаза, братъ и сестра пѣшкомъ поплелись домой. Ни слова не говоря, они стали подниматься по отлогому спуску въ городъ и выйдя на Соборную площадь, все еще не могли успокоиться и стали безъ цѣли бродить по улицамъ и переулкамъ. Какъ-то нечаянно они снова вышли къ морю, но уже со стороны маяка. Остановившись на краю обрыва, они снова стали смотрѣть вдаль, а гдѣ-то далеко внизу подъ ними кипѣло море и доносилось оттуда зловѣщее шипѣнье его волнъ.

— Шшш!.. Шшш!..

— Сестрица, вы устали? спросилъ Семенъ Петровичъ сестру.

— Нѣтъ, братецъ, не устала...

— Посмотрите... Вонъ-вонъ огонекъ! Не видите?

— Нѣтъ, братецъ, не вижу!

— То, должно быть, нашъ морячокъ плыветъ!

— Ахъ, братецъ, какъ-бы онъ

не утонуль! Спаси, Царица Небесная, и помилуй!

— Господь съ вами, сестрица! Чего ему тонуть!

И взявшись подъ руку, они пошли домой. Когда няня отперла имъ калитку, была уже темная ночь и дѣти давно уже спали. Тоскливо поужинавъ, братъ и сестра простились и разошлись по своимъ комнатамъ. Семень Петровичъ засвѣтилъ лампадки, помолился за Сережу и улегся спать.

„Должно быть, онъ уже приплыль къ рейду!“ подумаль онъ о племянникѣ, зѣвнуль, перекрестилъ ротъ и заснулъ.

А тетушка Марфенька не спала цѣлую ночь. То ей казалось, что въ комнатѣ слишкомъ душно, то она боялась завыванія вѣтра и шума деревьевъ, то ей представлялся ея Сережа въ ужасномъ, бѣдственномъ положеніи... Раза два съ замираніемъ сердца, и боясь, чтобы кого-нибудь не разбудить, она на цыпочкахъ выходила на дворъ и прислушивалась къ вою непогоды, точно желая въ немъ услышать голосъ Сережи... Она ежилась отъ свѣжаго вѣтра, слышала, какъ кровь стучала у нея въ вискахъ и какъ издалека-издалека доносился до нея шумъ злобствовавшаго моря. Стоя на дворѣ, она невольно сравнивала тишину своего полтавскаго хуторка съ этой безпокойной приморской непогодой и рѣшила во что бы то ни стало завтра-же ѣхать домой.

Къ утру вѣтеръ прекратился, разорванныя тучи соединились вмѣстѣ и, обложивъ городъ со всѣхъ сторонъ, пролились на него дождемъ. А потомъ снова поднял-

ся вѣтеръ и снова загудѣль въ трубы и затрепалъ деревья.

Мрачная, съ опухшими отъ безсонницы глазами, тетушка Марфа Петровна стала собираться въ путь. Она быстро увязала узелки, уложила чемоданъ и въ одиннадцать часовъ вышла проститься съ братомъ. Всѣ не ожидали такого ея рѣшенія, всполошились и не повѣрили ей. Но когда она не шутку послала за извозчикомъ, дѣти расплакались, а самъ Семень Петровичъ позвалъ ее къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ ей:

— Сестрица, оставайтесь съ нами навсегда!

— Нѣтъ, братецъ, нѣтъ... отвѣчала она — Прощайте! Не могу слышать вашего моря, не могу выносить вашего города... Озлobilась я на него! Силъ моихъ нѣтъ уже больше!

— Оставайтесь, сестрица... все еще убѣждалъ ее братъ. — Дѣти мои такъ къ вамъ привыкли, вы будете имъ второю матерью!.. Право, оставайтесь!.. Вѣрьте мнѣ, я десять лѣтъ васъ не видалъ, а точно прожилъ съ вами всю жизнь...

— Нѣтъ, братецъ, не держите! Уѣду, уѣду, уѣду! И видѣть этого города не хочу!

Семень Петровичъ удивленно посмотрѣль на сестру и вышелъ съ нею изъ кабинета.

— Ну, дѣтки, обратился онъ къ плакавшимъ дѣтямъ, — не хочеть ваша тетя оставаться съ нами! Уѣзжаетъ!

И помолвившись на образа, онъ обнялъ сестру и самъ проводилъ ее на вокзалъ.

Раздался свистокъ и въ окнахъ сначала медленно, а потомъ все скорѣе и скорѣе замелькали стол-

бы крытой платформы вокзала, вагоны, стрѣлочники, закоптѣлое депо... Услыхавъ подъ собою стукъ колесъ, Марфа Петровна почувствовала себя почти дома, но вспомнивъ, что ее и дома ожидаютъ непріятности съ хуторомъ и разлука съ Сережей, упала на лавку и разрыдалась, какъ дитя... Она крѣпилась цѣлую ночь и теперь была рада, что расплакалась въ вагонѣ.

Послѣ слезъ ей стало легче. Тоска по Сережѣ и злоба на море, похитившее у нея племянника, мало по малу отлегли у нея отъ сердца. Она выглянула въ окошко, чтобы въ послѣдній разъ посмотреть на Одессу, но она уже была далеко и только маковка соборной колокольни блестѣла на горизонтѣ.

— Прощай!.. Прощай!.. шептала она, глядя на него.—Придется-ли мнѣ увидѣть тебя еще разъ!

Доѣхавъ до Кіева, Марфа Петровна взяла билетъ на Сумы. Въ Сумахъ она наняла лошадей и на вторыя сутки вечеромъ приѣхала къ себѣ на хуторъ. На хуторѣ все оставалось по прежнему, но только не доставало Сережи; вмѣсто него на хуторѣ появились новые обитатели: аистъ вывелъ себѣ дѣтей и цѣлые дни училъ ихъ летать надъ конюшней.

— А здѣсь письмо безъ васъ пришло, обратилась къ тетущкѣ Марфенькѣ Карповна. — Почтарь отъ земства принесъ...

— Письмо? удивилась старушка. — Гдѣ оно? Давай его сюда скорѣе!

Карповна подала ей письмо.

Старушка распечатала его. Оно было отъ Егора Тимофѣевича. При немъ было приложено другое письмо, маленькое, на имя Сережи, съ адресомъ, написаннымъ невѣрною, дѣтскою рукой. Марфа Петровна съ волненіемъ распечатала и его и прочитала слѣдующее:

„Милый Сережа, когда я увидѣла тебя на Кіевскомъ вокзалѣ, то мнѣ такъ хотѣлось повидаться съ тобой, что я долго плакала. Но поѣздъ ушелъ и мы разстались. Я уѣхала съ гувернанткой за границу. Мой папа умеръ и я осталась одна и теперь меня везутъ изъ Крыма, гдѣ умеръ папа, къ дѣдушкѣ и бабушкѣ въ Швейцарію. Я соскучилась по тебѣ и часто тебя вспоминаю. Не знаю, дойдетъ-ли до тебя это письмо! Я посылаю его на твой прежній адресъ. Цѣлую тебя. Твоя Маруся“.

Тетущка-Марфенька поцѣловала это письмо и бережно спрятала въ комодъ. При случаѣ она перешлетъ его къ Сережѣ, когда будетъ знать точно, куда ему писать.

— Бѣдная дѣвочка! вздохнула она.—Бѣдная сиротка!

И, вспомнивъ и о Сережѣ, она отерла глаза и тоже вздохнула.

— Бѣдный мальчикъ! сказала она и снова принялась за чулокъ.

И вотъ по-прежнему тетущка-Марфенька стала вязать чулокъ и каждый разъ, садясь на крылечкѣ, попрежнему начинала думать. Но думала она уже не о томъ, куда пристроить Сережу, а о томъ, какъ бы поскорѣе вернуть его обратно въ хуторъ.

М. Б-скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).





## Е Л К А.

О, ёлка, ёлка! Пляски, смѣхи!  
Настали святочные дни  
И всюду сласти и орѣхи,  
Повсюду яркіе огни.

Огни на ёлкѣ, ожерелья,  
На вѣткахъ лакомства висять,  
Кругомъ восторгъ, кругомъ веселье  
И глазки дѣтскіе горять.

И пляшутъ дѣтки вокругъ ёлки,  
Ихъ глазки радостно блестятъ,  
А свѣчи гаснутъ, и иголки  
На вѣткахъ хвойныхъ ужъ го-  
рятъ.

И сизый дымъ ихъ пахнетъ смолкой,  
Какъ будто лѣтомъ отъ костра...  
Ну, что-жъ? Проститесь, дѣти, съ  
ёлкой,

Ужъ поздно!.. Спать давно пора!

И вотъ предательски—уныло  
Часы бьютъ десять, спать зовутъ,  
И дѣткамъ жаль того, что было,  
Но все-же спать они идутъ.

Имъ снятся сны прелестнѣй сказки,  
Во снѣ ихъ ангелы зовутъ,  
Они-жъ порой откроютъ глазки  
Поищутъ ёлку и—уснутъ...

Кузнечикъ

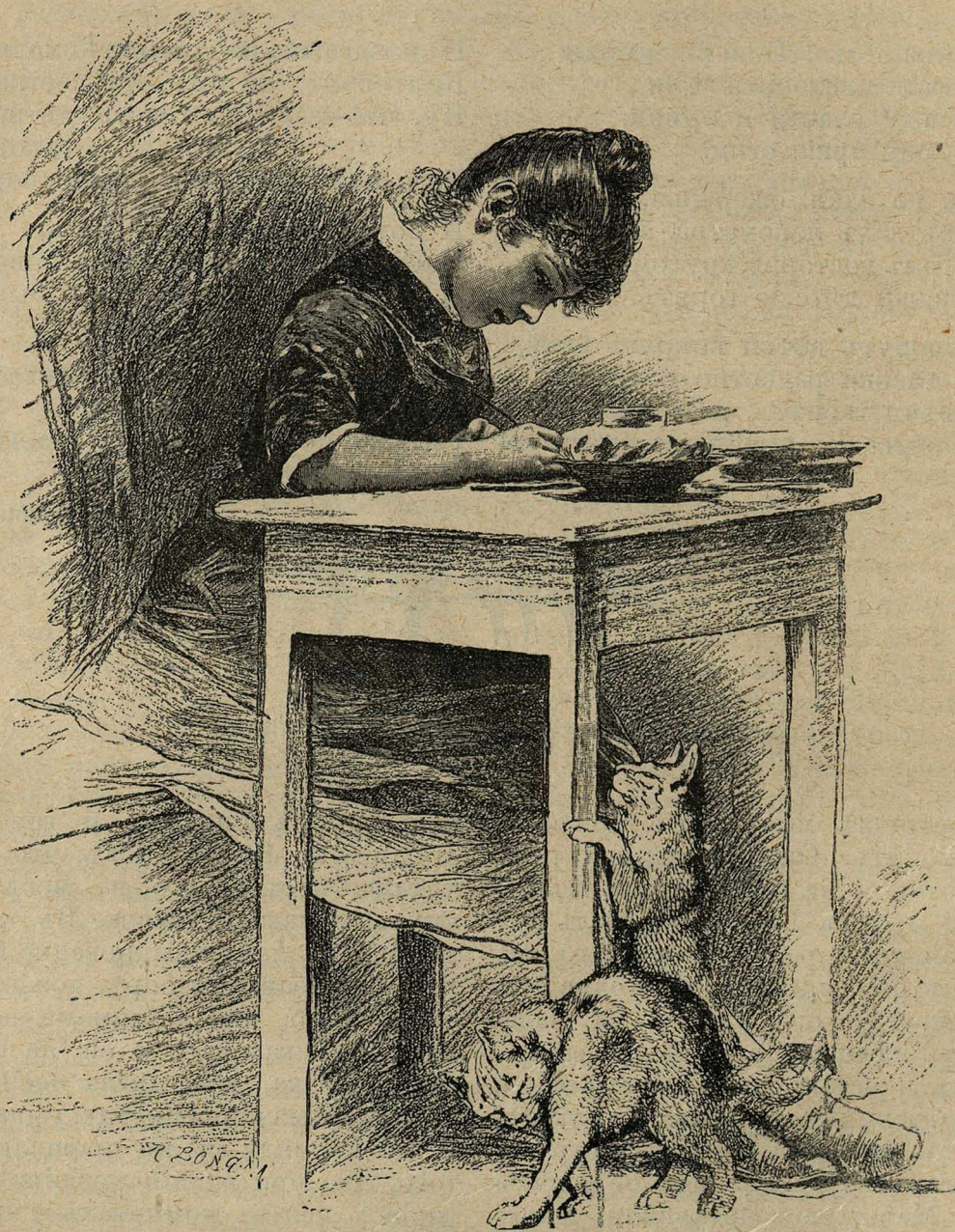


## ВЪ НѢКОТОРОМЪ ЦАРСТВѢ...

Петрушѣ было всего только де-  
сять лѣтъ. Онъ былъ круглымъ  
сиротой и не помнилъ своихъ ма-  
тери и отца. Когда онъ былъ еще  
маленькимъ ребенчкомъ, его взя-  
ла къ себѣ изъ милости одна ста-  
рушка, но она умерла, и маль-  
чикъ перешелъ вмѣстѣ съ ея до-  
момъ и всѣмъ хозяйствомъ къ ея  
родственнику, который съ перва-  
го-же дня не влюбилъ Петрушу  
и сталъ грубо съ нимъ обращать-  
ся. Мальчика заставляли много  
работать. Онъ вставалъ съ восхо-  
домъ солнца, цѣлые дни былъ за-  
нятъ, плохо ѣлъ и поздно ложил-  
ся спать. Спалъ онъ гдѣ-то въ  
сарайчикѣ около конюшни, и за  
всю свою работу не получалъ ни-

чего, кромѣ пинковъ и грубаго  
обращенія. Бывало такъ, что отъ  
усталости отъ долго не могъ за-  
снуть, и часто плакалъ. Въ такія  
минуты къ нему обыкновенно под-  
ходила собака Трезоръ, ложилась  
около него, онъ обнималъ ее и  
начиналъ жаловаться ей на свое  
горе. Собака тоже была несчаст-  
на. Она была породиста и умна, но  
ее не кормили и не прощали ей  
того, что при жизни хозяйки она  
жила у нея въ комнатахъ и нахо-  
дилась въ холѣ.

— Чтобъ ты издохла! гнали ее  
теперь отъ дома, когда она жалоб-  
но просила ѣсть.—Ишь! Привык-  
ла жить въ комнатахъ и теперь  
лѣзетъ! Пошла прочь!



Кончай скорѣ. намъ скучно!

Петруша и Трезоръ выросли вмѣстѣ и любили другъ друга. Ихъ тамъ не оказалось. На- никовъ, которые лежали на комо- дѣ. Ихъ тамъ не оказалось. На-



Съ елкой и съ гостинцами.

Какъ разъ въ самый сочель- чались поиски. Было ясно, что никъ, когда убрали уже комнаты они свалились во время уборки и и вымыли полы, хозяинъ хва- куда-нибудь закатились, но хо- тился двухъ серебряныхъ гривен- зяинъ раскричался, потребоваль

къ себѣ Петрушу и обвинилъ его въ воровствѣ.

— Это ты укралъ! крикнулъ онъ на него.

Слезы обиды подступили мальчику къ самому горлу и онъ не смогъ произнести ни одного слова въ свое оправданіе.

— А, ты даже не оправдываешься? крикнулъ на него хозяинъ. — Ты не хочешь возвратить деньги назадъ?

И схвативъ мальчика за плечи, онъ рѣзко повернулъ его къ выходу и грубо вытолкалъ его за дверь.

— Такъ убирайся-же изъ моего дома вонъ! крикнулъ онъ. — Чтобы и духу твоего здѣсь не было! Вонъ!

Видъ его былъ настолько ужасенъ, что Петруша испугался, закрылъ руками лицо и, боясь, какъ бы его не побили, со всѣхъ ногъ бросился бѣжать отъ дома.

Скоро хуторъ остался за нимъ позади. Были сумерки, передъ нимъ развѣртывалась необозримая снѣжная равнина, по которой, точно пыль, носились снѣжныя облака, было холодно, но Петруша все бѣжалъ и бѣжалъ, точно боясь за собой погони. И по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ дома, становилось все темнѣе и темнѣе. Зажглись на небѣ звѣзды.

Какъ вдругъ онъ услышалъ, что за нимъ кто-то бѣжитъ. Онъ вздрогнулъ, остановился и сразу весь просіялъ.

— Трезоръ! воскликнулъ онъ и сердце его забилося отъ радости. — Мой милый Трезоръ!

Собака запрыгала вокругъ него, завизжала, заскулила и Петруша сразу-же понялъ, что она теперь

уже никогда не оставитъ его и, куда-бы онъ ни пошелъ, она всюду послѣдуетъ за нимъ. И они отправились далѣе вдвоемъ.

Шли они болѣе часу. Становилось еще холоднѣе, ноги Петруши угрузали глубоко въ снѣгъ и онъ чувствовалъ, какъ съ каждымъ шагомъ его силы все ослабѣвали и ослабѣвали. Онъ не зналъ, ни куда онъ шелъ, ни что будетъ съ нимъ впереди, но для него теперь было ясно, что возвратиться домой онъ уже не могъ и что во что-бы то ни стало долженъ былъ куда-нибудь придти. Потянулся въ темнотѣ лѣсъ, потомъ и этотъ лѣсъ остался позади, и по дорогѣ стали попадаться отдѣльные кусты, которые походили въ темнотѣ на монаховъ или на сторбленныя старухъ.

Теперь уже ярко сверкали звѣзды. Темное небо походило на громадную подушку, всю утыканную брилліантовыми булавками. Въ морозномъ воздухѣ звѣзды мигали лучами и это еще болѣе дѣлало ихъ похожими на драгоценные камни.

Ноги и руки у Петруши стали застывать. Усталость и какая-то странная истома стала овладѣвать его тѣломъ и ему вдругъ сильно, неудержимо захотѣлось лечь тутъ-же, прямо на снѣгъ, и спать, спать безъ конца.

— Пройду еще немного, подумалъ онъ, и лягу. Трезоръ прижметъ ко мнѣ и мнѣ будетъ тепло...

Отъ кого-то, еще въ прошломъ году, онъ слышалъ сказку, что въ ночь подъ Рождество, когда всѣ люди уже успокоятся отъ дневныхъ трудовъ, на востокѣ восходитъ та

самая громадная звѣзда, которая свѣтила когда-то пастухамъ и волхвамъ, когда родился въ Виѳлеемѣ Христось. Если къ этой звѣздѣ подойти поближе, то можно взойти на нее и вмѣстѣ съ нею, когда на разсвѣтѣ она будетъ скрыватья отъ людскихъ очей, можно попасть на небо. Если-бы Петруша теперь увидѣлъ эту Виѳлеемскую звѣзду, то онъ постарался-бы подойти къ ней поближе и—кто знаетъ?—быть можетъ, онъ къ утру былъ-бы уже на небѣ и сидѣлъ-бы около своихъ умершихъ матери и отца!

И вдругъ, сквозь деревья, на далекомъ горизонтѣ, передъ нимъ зажегся и замелькалъ яркій огонекъ.

— Это — звѣзда... зашепталъ онъ.— Она уже восходитъ... Значить, въ той сторонѣ Виѳлеемъ, гдѣ родился Христось...

И, боясь, какъ-бы не опоздать и не упустить время, онъ собралъ всѣ свои усилія и побѣжалъ къ сверкавшему огоньку.

— Трезоръ, не отставай!.. крикнулъ онъ.— Скорѣе!..

А въ это время тамъ, гдѣ горѣлъ этотъ огонекъ, четверо счастливыхъ дѣтей сидѣли около своего дѣдушки, въ уютномъ, тепломъ кабинетѣ, и упрашивали его рассказать имъ сказку. Горѣлъ каминъ, и во всей усадьбѣ было празднично и нарядно и пахло цвѣтами и духами. Двери въ залу были заперты на ключъ и тамъ, съ самаго утра, папа, мама и мадамъ уазель украшали елку. Дѣти истомились отъ ожиданія, бродили по всему громадному дому, какъ тѣни, и, наконецъ, рѣшили отправиться къ дѣдушкѣ и не просить, а потребовать отъ него, чтобы онъ

немедленно-же рассказалъ имъ сказку.

— Мы устали ожидать!.. обратилась къ нему маленькая Женя.— Сегодня мои именины и елка, а до сихъ поръ еще нѣтъ ничего.

Ради именинъ и елки дѣти были нарядно одѣты съ утра и это еще больше стѣсняло ихъ движенія и заставляло ихъ скучать.

— Намъ скучно!.. томился Боря.— Дѣдушка, расскажи намъ что-нибудь!

Дѣти любили слушать, какъ рассказывалъ дѣдушка. Онъ всегда начиналъ имъ такъ: „Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ“...—и тогда дѣти знали заранее, что это будетъ сказка; или же такъ: „Когда я былъ маленькимъ...“—и тогда они всѣ превращались въ слухъ. Глаза ихъ широко раскрывались, они разѣвали рты и старались не проронить ни одного его слова. Значить, все то, что хотѣлъ имъ рассказать дѣдушка, было настоящей, дѣйствительной былью.

— Ну, хорошо, отвѣтилъ имъ дѣдушка и на этотъ разъ.—Только надо зажечь огня... А то дрова въ каминѣ уже прогорѣли!..

Онъ подошелъ къ столу и зажегъ лампу. Онъ любилъ свѣтъ и лампа у него была большая. Когда она горѣла, то ее видно было на дорогѣ за двѣ версты и заблудившіеся въ метель крестьяне часто находили по ней дорогу въ усадьбу.

До елки оставалось всего только какихъ-нибудь полчаса, но нетерпѣніе дѣтей было такъ велико, что у нихъ не хватало силъ заняться чѣмъ-нибудь другимъ и они тотчасъ-же облѣпили дѣдушку со всѣхъ сторонъ и съ облегче-

ніемъ вздохнули, когда онъ усѣлся въ кресло и началъ:

— Ну-съ, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ...

— Нѣтъ, дѣдушка, подхватила сразу Женья, — ты лучше начни такъ: „когда я былъ маленькимъ...“

Но дѣдушка, очевидно, не былъ расположенъ рассказывать изъ своей жизни, и продолжалъ:

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ одинъ богатый король, который обиталъ вмѣстѣ съ женою въ уютномъ дворцѣ и не нуждался ни въ чемъ. У нихъ было четверо дѣтей: два мальчика и двѣ дѣвочки... Была у нихъ и гувернантка...

— Вотъ какъ и у насъ, вставилъ Гриша.

— Гмъ... да... смутился дѣдушка, — какъ и у насъ. — Дѣти жили въ полномъ довольствѣ, всего у нихъ было достаточно и ихъ родителямъ доставляло громадное удовольствіе видѣть ихъ отлично одѣтыми, сытыми, дарить имъ игрушки и устраивать для нихъ дорожную, роскошную елку, которая всякій сочельникъ была у нихъ такъ велика, что король, королева и гувернантка никакъ не могли украсить ее съ самаго утра. Все это довольство молодые принцы и принцессы считали для себя вполне естественнымъ и если-бы король и королева поступили хоть разъ иначе, то это вызвало-бы у ихъ дѣтей много горькихъ слезъ. Дѣти были очень добры, очень любили своего отца и мать, но знали, что дворецъ и все, что въ немъ находилось, послѣ ихъ смерти должны были достаться имъ. Таковъ ужъ былъ тогда укладъ жизни, что отъ дѣтей не скрывали ничего. По-

этому-то они съ самыхъ раннихъ дней были убѣждены, что все, что дѣлалось во дворцѣ и что подавалось на столъ, дѣлалось и подавалось именно для нихъ.

„Четыре раза въ годъ король и королева устраивали праздникъ. Это было въ именины ихъ дѣтей. Приѣзжали гости, малмуазель играла на рояли и дѣти танцовали. Всѣ веселились отъ души. Последній праздникъ въ году приходился какъ разъ на сочельникъ, потому что въ этотъ день во дворцѣ обыкновенно зажигали елку и кромѣ того были именины самой младшей изъ принцессъ, которую звали...“

— Женей! воскликнула маленькая внучка. — Ну, точь-въ-точь, дѣдушка, какъ и у насъ!

— Да Евгеніей... продолжалъ дѣдушка. — Самъ король раздавалъ на елку подарки дѣтямъ и ихъ гостямъ. Сластей бывало всегда такъ много, что на слѣдующій день дѣти ходили съ сѣрыми языками и чувствовали нѣкоторую тяжесть на желудкахъ. По правдѣ говоря, если-бы они, эти два принца и двѣ принцессы, были хоть немного умѣреннѣе, то тѣмъ, что они обыкновенно сѣдали въ сочельникъ одни, можно было-бы угостить цѣлый десятокъ дѣтей, которыя не имѣли ничего. Однажды въ одинъ изъ такихъ сочельниковъ, случилось во дворцѣ слѣдующее событіе. Была срублена наканунѣ въ лѣсу громадная, красивая елка и внесена въ залу дворца. Съ самаго утра король, королева и гувернантка украшали ее картонажами, золочеными орѣхами и сладстями. Было накуплено множество игрушекъ и подарковъ и разложено

по полу подъ вѣтвями елки, чтобы дѣти и ихъ гости могли сразу найти то, что каждому изъ нихъ предназначалось. Но случилось такъ, что у однихъ сосѣдей короля вдругъ появилась въ домѣ корь и всѣ ихъ дѣти должны были поэтому остаться дома и отказаться отъ удовольствія побывать на елкѣ во дворцѣ, у другихъ—заболѣла мать, а у третьихъ—былъ трауръ... Королевскимъ дѣтямъ такимъ образомъ предстояло остаться на елку совершенно однимъ и праздновать именины Евгениіи вовсе безъ гостей.

— Ну, точь-въ-точь, какъ сейчасъ у насъ! воскликнула Женья.— У Григорьевыхъ корь, у Панфиловыхъ—заболѣла мама, а у Саши и Нади Киселевыхъ—трауръ!

— И мы елку будемъ встрѣчать одни! подтвердилъ и Гриша.

— Ну-съ, продолжалъ дѣдушка,—въ самый тотъ моментъ, когда елка уже была готова и дѣтей приготавливались впустить въ залу, мимо королевскаго замка пролетала добрая фея. Заглянувъ въ окошко и увидѣвъ, что дѣти осуждены были на одиночество, она остановилась и сказала:—„Жаль мнѣ этихъ королевскихъ дѣтей! Они такія добрыя, отзывчивыя—и вотъ должны встрѣчать сочельникъ одни... Пошлю-ка я къ нимъ всякаго, кто попадется мнѣ на пути“! И вотъ она полетѣла дальше. Ей встрѣчались по дорогѣ дѣти бѣдныхъ родителей, одинокія сироты и бездомные мальчишки и дѣвочки, у которыхъ не было гдѣ приклонить голову. И всѣхъ ихъ она посылала въ королевскій замокъ и ласково говорила:—„Идите къ королевскимъ дѣтямъ! У

нихъ сейчасъ будетъ елка, но изъ гостей не пріѣдетъ никто! Они будутъ вамъ рады и примутъ васъ, какъ своихъ родныхъ“. И всѣ эти горемыки, встрѣчавшіеся на пути доброй феѣ, направились ко дворцу и скоро наполнили собой всю залу. Заиграла музыка, начались танцы и, никогда не видавшія такой роскоши, дѣти бѣдняковъ были довольны и веселились отъ души. Королевскія дѣти были имъ очень рады, приняли ихъ дѣйствительно, какъ родныхъ, и во всемъ государствѣ въ тотъ вечеръ не было ни одной семьи, въ которой время было-бы проведено такъ весело, какъ къ королевскомъ дворцѣ...

— Вотъ, если-бы и мимо насъ пролетѣла сегодня добрая фея... задумчиво сказала Надя. А то такъ будетъ скучно однимъ!

— Да, подтвердилъ и Гриша.— Танцевъ не будетъ, мы всѣ другъ другу уже давно надоѣли... Хоть бы кто-нибудь чужой...

Дѣти задумались. Пролетѣлъ тихій ангелъ. Дѣдушка поднялся съ кресла и сталъ мѣшать въ каминѣ прогорѣвшіе уголья.

— Ну, а какой-же этой сказкѣ конецъ? вдругъ нарушила молчаніе Женья.—Чѣмъ-же кончилась эта сказка?

Въ эту минуту за окошкомъ слышались жалобный дѣтскій плачь и протяжный собачій лай. Дѣти вздрогнули и переглянулись. Самъ дѣдушка, не ожидавшій такого оборота сказки, тоже насто-рожился. Плачь повторился.

— Это фея!.. радостно воскликнула Женья.—Это фея пролетѣла сейчасъ мимо нашего окна, увидала, что, мы одни, и послала къ намъ встрѣчнаго ребенка!

Всѣ бросились къ окну и, прижавшись лбами къ холодному стеклу, стали вглядываться въ темноту. Дѣдушка тоже изъ-за ихъ головокъ выглянулъ за окно.

— Да, мальчикъ... сказалъ онъ, — И около него собака...

Онъ тотчасъ-же вышелъ изъ кабинета. Въ это время двери въ залу широко распахнулись, масса свѣта бросилась дѣтямъ въ глаза, гувернантка заиграла на роялѣ и они, полныя восторга и позабывъ обо всемъ, кучкой высыпали въ залу. Громадная елка сіяла огнями и все на ней ярко блистало. Внизу, подъ ея вѣтвями, были сложены подарки, и папа и мама, тоже радостные и довольные, стояли около елки и поджидали дѣтей.

— Ну, дѣлать нечего, сказала мама. — Гости не пріѣдутъ, веселитесь, дѣти!

Но едва только она успѣла произнести эти слова, какъ дверь въ прихожую отворилась и въ нее вдругъ неожиданно вбѣжала черная, большая собака и съ радостнымъ визгомъ стала бросаться то къ одному, то къ другому и выказывать свой восторгъ. Вслѣдъ за собакой вошли дѣдушка и съ нимъ чей-то маленькій озябшій мальчикъ. Это были Петруша и Трезоръ.

— А вотъ вамъ и гость! сказалъ дѣдушка.

Дѣти окружили мальчика со всѣхъ сторонъ. Онъ озирался удивленными глазами вокругъ себя и ему казалось, что тотъ огонекъ, который свѣтился изъ дѣдушкинаго окна и который онъ принялъ

за Вифлеемскую звѣзду, былъ дѣйствительно звѣздой, и что онъ попалъ въ рай, гдѣ было такъ свѣтло и тепло и гдѣ были такія нарядныя, ласковыя дѣти, какъ ангелы, и играла такая сладкая музыка. какой онъ не слышалъ еще ни разу въ жизни. И не помня себя отъ восторга, онъ сталъ протирать себѣ глаза, а потомъ отъ радости сталъ прыгать. Дѣти тоже запрыгали вокругъ него, схватили его за руки и стали кружиться вокругъ елки.

А затѣмъ, когда поулеглось немного первое впечатлѣніе отъ неожиданнаго знакомства, Женья подошла къ дѣдушкѣ, обхватила его за шею рукой и сказала:

— Ну, а какой-же конецъ въ той сказкѣ, которую ты намъ рассказывалъ? Ты вѣдь не досказалъ ее до конца!

Дѣдушка указалъ ей на Петрушу и Трезора и отвѣтилъ:—

— Посмотри на нихъ и выведи конецъ уже сама!

Женья подумала, поняла, рѣшительно встряхнула курчавой головкой и подошла къ братьямъ и сестрѣ.

— Этого Петрушу намъ прислала сегодня добрая фея, сказала она. — У него нѣтъ ни матери, ни отца, онъ бѣдный и ему некуда идти. Давайте попросимъ папу и маму, чтобы онъ остался у насъ совсѣмъ!

И всѣ четверо бросились къ родителямъ и стали ихъ умолять оставить Петрушу и Трезора въ усадьбѣ навсегда.

Елочный Дѣдъ.







## ГОЛОВОЛОМКИ.

### I.

Изъ составляющихъ задуманное слово буквъ можно составить еще и слѣдующія слова: утка, туша, шутка, кукушка, шашка, кашка, штука.

■ Задуманное слово употребляется для наматыванія нитокъ. Какое это слово?

### II.

Задуманы три слова, означающія:

1. Небесное красивое явленіе, бывающее во время дождя.
2. То, что бываетъ у мужчинъ на лицѣ.
3. Часть столовой посуды

Взять отъ cadaго изъ этихъ словъ по первому слогу и составить изъ нихъ названіе того, что необходимо для cadaго человѣка.

Какое слово задумано?

### III.

Задуманное слово состоитъ изъ восьми буквъ: 1.2.3.4.5.6.7.8. Буквы 1.2.3.6.5.8—означаютъ то, изъ чего состоитъ этотъ журналъ, 1.6.3.6.5.8—хищную птицу, 5.3.8 1.5.8—то, что даетъ предмету красивый видъ, 8.1.2.3.8—пѣвчій. 5.6.7.8—животное, 1.4.1.2.3.8—ближайшую родственницу.

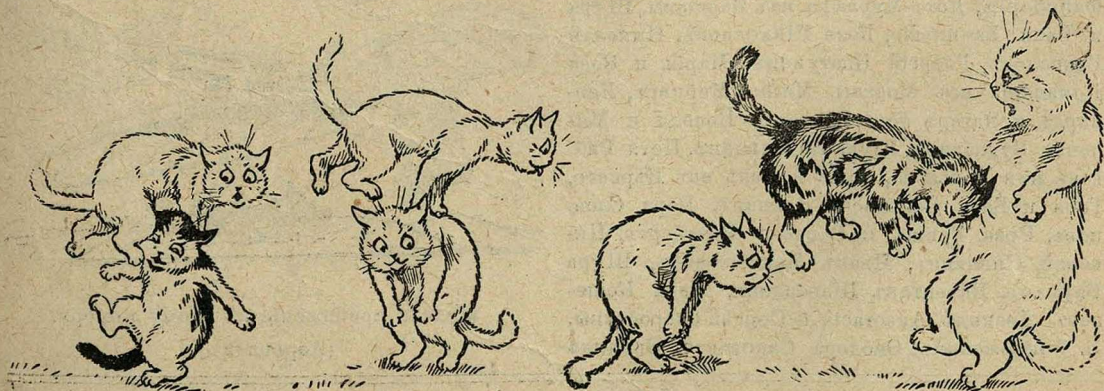
Найти эти слова и задуманное слово, которое означаетъ всѣмъ извѣстное насекомое.

### IV.

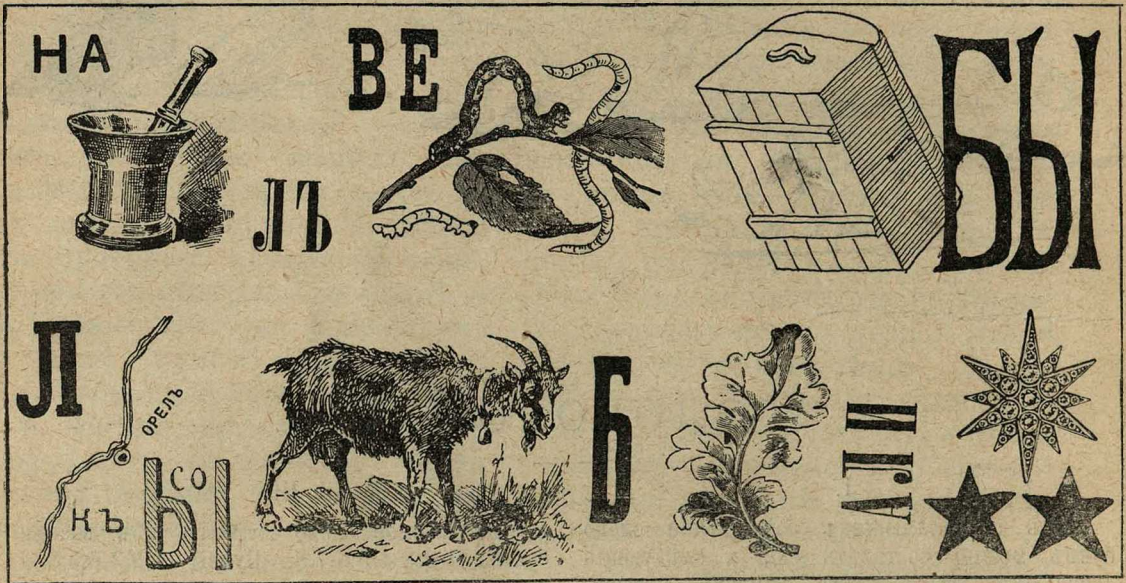
До какихъ поръ можетъ прожить слонъ?

### V.

Зачѣмъ на кладбищахъ надъ умершими ставить памятники?



## Ребусъ № 4.



(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

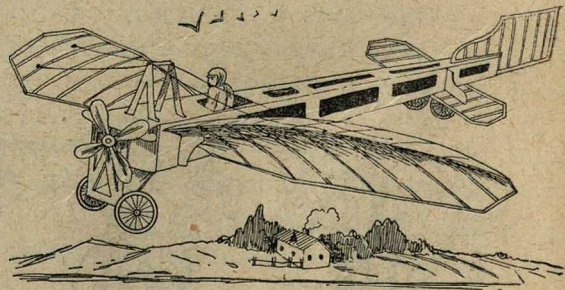
Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 2, помѣщенныхъ въ № 2 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I, Кошка, картошка, кить, вротъ, кортикъ. Задуманное слово=Артишокъ, II, дыра. III, по полу. IV, се + ребро = серебро, V, смо+родина. VI, три яйца.

Ребусъ № 2. Око+л+осель+ананасъ+бр+оси +лось+цять собакъ=Около села на насъ бросилось пять собакъ.

Вѣрные рѣшенія прислали: Соня, Боря и Броня Гиршевичъ, Варя Янченко, Коля и Люся Мертенъ, Тася Долганова, Нюра Молчанова, Алексѣй Леонтьевъ изъ Москвы, Женья Мельникова, Степа Ивановичъ и Лидочка Липинская, Жена Файнбергъ, Коть-Мурлыка изъ Варшавы, Шура и Валя Бачинскіе, Коля Шаховцовъ, Николай Безпаловъ, Георгій Платуновъ, Марія и Зося Даманскія изъ Москвы, Миша Мерлингъ, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Володя и Милочка Будкевичъ, Шура Надельманъ, Петя Рябцевъ изъ Харькова, Саша Аваевъ изъ Вѣрнаго, Геня и Боба Запольскіе-Довнаръ, Варя Словцова, Роза, Гриша и Ревекка Роутбартъ, Николай Синявинъ, Иванъ Медвѣжонокъ, Шура Бауманъ, Валентинъ Шавердовъ, Миня Кошелевъ, Леонидъ, Анастасія и Сергій Старостины, В. Токаржевичъ, Теодора Садовская, Зинаида

Клестова, Игорь Максимовъ, Отя Яптева, Людмила Силина, Митя Симоновъ, Максъ и Эльза Энгельманъ, Люда Неценгевичъ, Шура Залазинскій, Кира и Аля Лукницкіе, Володя Афанасьевъ, Рита Владимірова, Соня Африканова, А. Карцевъ, Шура Надельманъ, Владя М., Павелъ Музольфъ, Мура Галѣва, Таинственный барабанщикъ, Лида и Лена Добровольскіе, Нюра Молчанова, Евгений Доильнидинъ, Леночка и Жоржикъ Соловьевы, Люша Прокофьева, Леночка Бехтѣва.



Модель приложенія къ этому номеру.  
(Аэропланъ).



Годъ седьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА  
НА

художественно-литературный журналъ  
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

# „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.  
**12** ВЫВѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.  
**24** ПРИЛОЖЕНІЯ для склеиванія (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.), а именно:

- 1) Аэропланъ. 2) Вилла. 3) Телѣга съ лошадкой. 4) Автомобиль. 5) Гуси домой! (игра). 6) Деревенская усадьба. 7) Письменный столъ, кресло и стулья. 8) Турецкій диванъ, тумбочка и шкафъ. 9) Русская тройка. 10) Осель летаетъ! (игра). 11 и 12) Вокзалъ желѣзной дороги съ поѣздомъ. 13) Вагонъ трамвая. 14) Водяная мельница. 15) Шарабанъ. 16) Автомобильныя гонки (игра). 17) Столовые часы (модель). 18) Игра въ путешествіе. 19) Швейцарскій домикъ. 20) Античная ваза. 21) Пароходъ. 22) Кто скорѣе? (игра). 23 и 24) Городецъ XVI вѣка.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

## „НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смекалки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученый Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.